Соціалистическая наука

какъ

новая религія

Печатаніе настоящаго сочиненія, II выпускъ котораго предлагается теперь читателю подъ заглавіемъ «Соціалистическая наука, какъ новая религія», растянулось на очень продолжительное время, не говоря о прочихъ задержкахъ еще и потому, что авторъ рѣшилъ дополнить и заново переработать два свои реферата, служащіе основой книги.

II выпускъ передѣланъ не менѣе перваго. Къ первоначальному содержанію второго реферата «Историко-философскія основы марксизма» прибавлена вновь написанная критика «научнаго анархизма», а объединеніе этихъ работъ дало въ результатѣ ту тему, которая выражена въ заглавіи настоящаго выпуска. Тема эта требуетъ обширной разработки. Но такъ какъ авторъ не надѣется на близкую возможность заняться на болѣе продолжительное время такой работой, онъ выпускаетъ подготовленные уже матеріалы и намѣченные имъ до сихъ поръ выводы. «Соціалистическая наука, какъ религія», подобно I-му выпуску, издается, какъ

Умственный рабочій

Часть III

Выпускъ II

Это дѣлается потому, что все сочиненіе, какъ въ первоначальномъ, такъ и окончательно переработанномъ видѣ, составляетъ, какъ сказано въ предисловіи къ I выпуску, «прямое продолженіе и развитіе положеній, установленныхъ въ первыхъ двухъ частяхъ «Умственнаго рабочаго».

Женева, май 1905 г.

Соціалистическая наука какъ новая религія

I

Соціализмъ XIX ст., вопреки убѣжденію всѣхъ вѣрующихъ въ него, не есть нападеніе на основу строя неволи, существующаго на протяженіи вѣковъ въ видѣ всякаго цивилизованнаго общества — государства. Онъ нападаетъ лишь на одну изъ формъ этой неволи, на господство класса капиталистовъ. Даже въ случаѣ его побѣды онъ не упраздняетъ вѣкового грабежа: онъ уничтожаетъ лишь частное владѣніе матеріальными средствами производства — землей и фабриками, онъ уничтожаетъ лишь капиталистическую эксплуатацію.

Упраздненіе капиталистической собственности, т. е. частнаго владѣнія средствами производства, совсѣмъ не является еще упраздненіемъ семейной собственности вообще. Между тѣмъ, этотъ-то именно институтъ обезпечиваетъ вѣковой грабежъ, обеспечиваетъ только имущему меньшинству и только его потомству владѣніе всѣми богатствами и трудомъ вѣковъ, всѣмъ наслѣдіемъ человѣчества, всею культурой и цивилизаціею. Этотъ именно институтъ осуждаетъ большинство человѣчества рождаться неимущими, рабами, обреченными на пожизненный ручной трудъ. Экспропріація класса капиталистовъ вовсе еще не означаетъ экспропріаціи всего буржуазнаго общества. Однимъ упраздненіемъ частныхъ предпринимателей, современный рабочій классъ, современные рабы не перестаютъ быть рабами, осужденными на пожизненный ручной трудъ; стало быть, не исчезаетъ, а переходитъ въ руки демократическаго государства—общества создаваемая ими національная прибыль, какъ фондъ для паразитнаго существованія всѣхъ грабителей, всего буржуазнаго общества. Послѣднее, послѣ упраздненія капиталистовъ, остается такимъ же, какъ и раньше господствующимъ обществомъ, образованнымъ правителемъ, міромъ бѣлоручекъ, остается владѣльцемъ національной прибыли, которая распредѣляется въ видѣ столь же приличныхъ, какъ и нынѣ, «гонораровъ» «умственныхъ рабочихъ» и, благодаря семейной собственности и семейному укладу жизни, сохраняется и воспроизводится въ ихъ потомствѣ.

Обобществленіе средствъ производства обозначаетъ лишь упраздненіе права частнаго владѣнія и распоряженія фабриками и землей. Своимъ нападеніемъ на фабриканта соціалистъ ни въ малѣйшей мѣрѣ

не затрагиваетъ «гонорара» его директора и инжинера. Соціализмъ истекшаго столѣтія оставляетъ неприкосновенными всѣ доходы бѣлоручекъ, какъ «заработную плату умственнаго рабочаго», объявляетъ интеллигенцію «незаинтересованной, непричастной къ капиталистической эксплуатаціи». (Каутскій).

Современный соціализмъ не можетъ и не хочетъ упразднить вѣкового грабежа и неволи.»

Во второй половинѣ XIX ст. соціализмъ громогласно объявляетъ себя общественной наукой. Вслѣдъ за пролетарской политической экономіей создается пролетарская соціологія и соціалистическая исторіософія.

Но общественная наука не можетъ быть врагомъ того строя неволи, который существуетъ на протяженіи всего историческаго развитія цивилизаціи. Общественная наука желаетъ быть безпристрастнымъ истолкователемъ этого историческаго развитія, стало быть она не врагъ его, а опекунъ.

Между тѣмъ соціализмъ почувствовалъ непреодолимое влеченіе стать настоящей общественной наукой. Соціалистическіе ученые удаляясь все больше и больше отъ мысли о томъ, что вся истекшая исторія цивилизованныхъ обществъ есть исторія неволи большинства человѣчества, что историческіе законы истекшихъ вѣковъ вплоть до нашего времени суть законы грабежа, *выраженіе воли господствующаго меньшинства*, берутся истолковать эти законы какъ объективные законы развитія человѣческаго общежитія, берутся «открыть ихъ и предугадать для того, чтобы подчиниться имъ.»

Благодаря распространенію соціалистической вѣры соціалистическимъ ученымъ удается убѣдить рабочія массы, что подчиняясь объективно — историческому ходу, онѣ подчиняются, несомнѣнно милостивымъ къ поколѣнію XIX ст., законамъ природы, пріуготовившимъ для насъ соціалистическій рай.

На этомъ пути соціалистическая наука оказывается немедленно простымъ средствомъ усыпленія бунтующихся рабочихъ массъ, является, не смотря на ея атеизмъ, простымъ религіознымъ мечтаніемъ и молитвою о соціалистическомъ раѣ, является религіей обуздывающей умъ и волю рабовъ буржуазнаго строя.

Марксисткая соціалистическая наука создала настоящее соціалистическое провидѣніе, дѣйствіемъ котораго «капиталистическое производство само роетъ себѣ могилу», само уничтожаетъ себя *собственнымъ развитіемъ*, а неотвратимые экономическіе законы, независимо даже отъ воли людей, ведутъ ихъ прямо въ «царство равенства и свободы.»

Проходятъ годы, и марксисткое провидѣніе научныхъ соціалистовъ обнаруживаетъ полное тождество съ провидѣніемъ всякихъ другихъ жрецовъ и поповъ. Рабамъ буржуазнаго общества оно сулитъ счастье послѣ ихъ смерти, оно гарантируетъ соціалистическій рай ихъ потомкамъ. Непоколебимая увѣренность марксистской научной религіи въ неизбѣжномъ наступленіи соціалистическаго царства свободы благословляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ буржуазный прогрессъ благословляетъ «прогрессивность», «цѣлесообразность», «законность» современнаго строя грабежа. Марксистская вѣра въ неизбѣжное движеніе

капитализма къ соціализму, вѣра въ капитализмъ, какъ необходимую соціалистическую предпосылку становится наконецъ равнозначной съ ... высшей степенью любви къ буржуазному прогрессу, къ разритію полнаго господства буржуазіи, полнаго буржуазнаго грабежа. Вѣрующіе, настоящіе пролетарскіе соціалисты, проникшись марксистской религіей являются лучшими борцами за буржуазный прогрессъ, самыми горячими апостолами и воинами буржуазной революціи.

Но первоначальная «чистота» соціалистическаго евангелія, не смотря на всѣ извращенія его соц.-д.-ими лжеучителями, затеряна и забыта быть не можетъ. Непоколебимые принципы соціализма прошлаго вѣка во всей ихъ чистотѣ берется воспроизвести современное ученіе анархизма. Въ противовѣсъ соц.-д.-ому оппортунизму, который. оскандалился и развратилъ массы стремленіемъ къ реформированію и развитію современнаго строя, анархисткое ученіе вызоветъ въ массахъ чистое стремленіе къ идеалу, прямое, непосредственное движеніе къ «конечной цѣли».

Анархисты должны во первыхъ помнить, что въ этомъ отношеніи они не изобрѣтаютъ ничего новаго и не выходятъ изъ круга идей правовѣрныхъ марксистовъ, которые во всѣхъ видахъ ортодоксіи, никогда не забывали «конечной цѣли» и безпрестанно съ этимъ добромъ принуждены были сдаваться передъ практиками ревизіонистами, пока не доказали, наконецъ, при рѣшеніи бернштейніады, что ихъ стремленіе къ «конечной цѣли» должно составлять единое цѣлое съ бернштейніанскимъ реформизмомъ, для котораго «конечная цѣль — ничто».

Сами анархисты, поскольку у нихъ появились въ послѣднее время свои «практики» (французскій анархисткій синдикализмъ) не могутъ уже отвергать той сентенціи Бернштейна, согласно которой въ «жизни», въ «реальной» практической борьбѣ каждый шагъ соціалиста не можетъ не быть. грѣхопаденіемъ и компромиссомъ. Анархистъ — синдикалистъ уже на одно участіе свое въ любой стачкѣ не можетъ не смотрѣть какъ на измѣну принципамъ, какъ на грѣхопаденіе — ибо онъ борется «не за конечную цѣль» а «за уступку», «за реформы».

Повидимому, въ области соціализма прошлаго вѣка такъ — таки и не найдешь той дороги, на которой не приходится вступать въ сдѣлки съ существующимъ буржуазнымъ строемъ.

Такая дорога лежитъ цѣликомъ и исключительно *въ подпольѣ* современнаго буржуазнаго строя. Но соціализмъ XIX ст., даже въ самомъ страшномъ его видѣ, въ видѣ анархизма, становится въ демократической республикѣ дѣломъ совершенно легальнымъ, въ видѣ синдикализма и п р о п о в ѣ д и «анархисткаго идеала» и непримиримые анархисты, становятся благонамѣренными — наравнѣ съ соц.-д.-ами — гражданами современнаго общества, и не могутъ уже конспирировать противъ демократической «свободы слова», «свободы печати», «свободы союзовъ», которыя по ихъ убѣжденію, также какъ и по убѣжденію соц.-д.-іи, даютъ полную возможность легальнаго подготовленія соціальнаго переворота.

Подпольная заговорщическая дѣятельность въ демократическомъ государствѣ является для анархистовъ столь же утопической, столь же преступной, бланкисткой практикой, какъ и для любого соц.-д.-та.

Такимъ образомъ единственный прямой путь къ низверженію су-

ществующаго строя неволи, единственный путь свободный отъ компромиссовъ съ буржуазнымъ экономъ — *подпольный заговоръ для превращенія вспыхиеающихъ столь часто и столь дурно рабочихъ стачекъ въ возстаніе, въ всемірную рабочую революцію* — лежитъ цѣликомъ за предѣлами ученія современнаго соціализма.

II

Соціалисты XIX стол. объявляютъ войну, они непримиримые революціонные противники *не по отношенію къ современному классовому строю неволи, не по отношенію къ буржуазному строю вообще, а лишь къ вырождающейся формѣ цивилизованнаго общества*, вырождающейся съ перваго момента развитія капиталистическаго производства, когда послѣднее еще не успѣло, по объясненію марксистовъ, обнаружить во всей силѣ своей прогрессивной роли и проявляетъ лишь свои темныя стороны. И именно по мѣрѣ развитія соціализма въ науку укрѣпляется и вырабатывается сознаніе соціалистовъ своей непримиримой враждебности только по отношенію къ *уродливой* формѣ современнаго общества, которую придала ему капиталистическая эксплуатація.

Какъ будетъ показано ниже, соціализмъ *какъ наука*, не можетъ выражать чего либо другого, кромѣ возстанія противъ «болѣзненныхъ ненормальностей» современнаго общества, а не противъ цивилизованнаго общества вообще.

Въ самомъ дѣлѣ — каковы по ученію соціализма причины, поводы соціалистическаго нападенія на современный строй?

Ухудшеніе положенія населенія съ наступленіемъ капиталистическаго производства, ухудшеніе въ сравненіи съ предыдущими формами общественнаго строя. *Безпорядочное* веденіе хозяйства, «анархія» въ производствѣ — неспособность современнаго общества обезпечить правильный и постоянный ходъ хозяйственной жизни страны.

Марксистское ученіе, предвѣщающее независимое отъ воли людей крушеніе капитализма, объективную для самого существованія общества необходимость соціализма, — марксистскій объективизмъ есть цѣлая система исключительно подобнаго рода доводовъ.

Соціалистическій строй становится необходмостью для всѣхъ ибо кризисы не даютъ возможности существовать обществу въ его прежнемъ видѣ. Не для низверженія современнаго общества, а для исцѣленія его отъ кризисовъ соціалисты возстаютъ противъ капиталистическаго строя, что совсѣмъ не означаетъ низверженія вѣковаго строя неволи, а напротивъ укрѣпленіе его.

Дальше капиталистическій строй объявляется научными соціалистами негоднымъ еще и потому, что онъ не въ состояніи выполнить даже того, что въ силахъ были выполнить прежнія эпохи — рабочую силу онъ не умѣетъ занять, а растрачиваетъ ее въ *безработицахъ*.

Въ противоположность прошлому, капитализмъ, какъ худшая форма цивилизованнаго общества всѣ богатства сосредотачиваетъ въ рукахъ *горсти магнатовъ*. Онъ не только не даетъ возможности наи-

болѣе сильнымъ элементамъ изъ низшихъ классовъ надѣяться на улучшеніе своего положенія, онъ угрожаетъ самому ихъ существованію. Онъ экспропріируетъ самихъ капиталистовъ. Онъ *уменьшаетъ число имущихъ*. Это общеизвѣстное разсужденіе научнаго соціалиста: въ средніе вѣка было цвѣтущее крестьянство и ремесло; наиболѣе трудолюбивые подмастерья имѣли полную возможность разсчитывать на достиженіе положенія мастеровъ, наиболѣе способныя личности добиться привиллегированнаго положенія. Прежнія формы общества питали у порабощенныхъ надежду, что наиболѣе ловкіе, одинъ на сто, одинъ на тысячу вылѣзутъ въ господъ. Капитализмъ уничтожилъ эту надежду и этимъ обрекъ себя на гибель. Онъ неспособенъ умножать количество господъ.

Соціалисты противники существующаго строя, потому что онъ не умѣетъ вести раціональнаго хозяйства, потому что онъ не способенъ прогрессировать, потому что правители невѣжественны и неспособны идти въ ногу съ наростающими и развивающимися запросами жизни.

Все это «Комунистическій Манif.» старается представить какъ можно ярче.

«Все болѣе становится очевиднымъ, что буржуазія неспособна оставаться господствующимъ классомъ... Она *неспособна къ господству*, потому что она не можетъ обезпечить своему рабу даже его рабскаго существованія, потому, что она вынуждена была довести его до такого состоянія, въ которомъ она должна кормить его, вмѣсто того, чтобы существовать на его счетъ. Общество не можетъ болѣе жить подъ ея властью.»

Довольно вспомнить сущность спора ортодоксовъ съ Бернштейномъ для подтвержденія всего вышесказаннаго нами.

Въ доказательство того, что нѣтъ смысла быть революціонеромъ въ Западной Европѣ, что соц.-дем.-ія, какъ защитница рабочаго класса, должна стать реформаторской, Бернштейну нужно было доказать что современный капитализмъ не представляетъ собою у х у д ш е н і я общественнаго строя по сравненію съ предыдущимъ. И всѣ ортодоксы сознавали, что существованіе научнаго соціализма тѣснѣйшимъ образомъ связано съ разрѣшеніемъ этого вопроса въ ту, или другую сторону. Низверженіе современнаго строя резонно и возможно лишь тогда, когда ему предстоитъ вырожденіе и безсиліе.

И Каутскій признаетъ это въ очень наивной формѣ. Если бы было правдой, разсуждаетъ онъ. все, что говоритъ Бернштейнъ если бы грозящій промышленному міру кризисъ навсегда исчезъ, если бы капитализмъ не убивалъ среднихъ класссовъ, если бы число имущихъ не уменьшалось, то не было бы смысла ниевергать существующій строй и вообще быть соціалистами. (Статьи противъ Бернштейна въ Vorwärts)

Вырожденіе господствующихъ классовъ для марксиста, да и для всякаго современнаго соціалиста является необходимой предпосылкой уничтоженія рабства. Разъ буржуазное общество способно къ развитію, его ниспроверженіе немыслимо. Нельзя стремиться къ насильственному перевороту, если не вѣрить самому и не убѣдить другихъ, что буржуазія слаба, что буржуазный строй неминуемо завтра же «самъ разложится».

Ортодоксы, которые чувствуютъ потребность удержать непримиримое отношеніе своей арміи лишь къ мѣшающимъ буржуазному прогрессу законамъ и властямъ (въ такое положеніе поставлена русская соц.-дем.-ія существованіемъ царизма) принуждены создавать вѣру въ неизбѣжное, немеденное «банкротство буржуазіи». И они это дѣлатъ, какія бы акробатскія штуки ни приходилось при этомъ выкидывать. Такъ Парвусъ, тотъ самый для котораго, какъ и для всякаго бернштейніанца, соціалистическій переворотъ такъ безконечно далекъ, что въ Россіи возможна пока лишь буржуазная революція, тотъ же самый Парвусъ моментально, на цифрахъ докажетъ вамъ, что «катастрофа промышленности» и окончательное банкротство буржуазіи завтра же случится обязательно.

Свою революціонность, свою непримиримость марксизмъ надѣялся обезпечить за собой не своей дѣйствительно непримиримой борьбой со строемъ грабежа. Онъ докозывалъ лишь, что самъ историческій моментъ, сами законы человѣческаго общества, отъ людей независимые и выше людей стоящіе, — это воистину соціалистическое провидѣніе, — присуждая буржуазное общество къ слабости и гибели, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ему возможность освободить весь міръ отъ неволи.

Но соціалистическаго провидѣнія нѣтъ, никакихъ независящихъ отъ воли людей законовъ развитія общества нѣтъ. Нѣтъ силъ природы, которыя вознаграждали бы добрыхъ — угнетенныхъ за ихъ испытанія и наказывали бы неправедныхъ угнетателей за ихъ злыя дѣянія. Соціалисты возмущаются и борются противъ ухудшенія классового строя *и ихъ борьба можетъ уничтожить только это ухудшеніе*, но не самый классовый строй.

И потому вопреки всѣмъ ожиданіямъ наивныхъ вѣрующихъ научный соціализмъ содѣйствовалъ развитію буржуазнаго прогресса. И это все болѣе становится его собственнымъ глубокимъ сознаніемъ. Соц.-дем.-ія, по ея собственному убѣжденію, привлекаетъ къ себѣ всѣ жизнеспособные элементы современнаго буржуазнаго общества. Въ «Классов. интересахъ» Каутскій говоритъ:

> ... «Если соц.-дем.-ія сдѣлалась единственной партіей, еще борющейся за общественный прогрессъ, то она должна вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаться партіей всѣхъ тѣхъ, которые стремятся къ дальнѣйшему развитію общества». (стр. 30, изд. Куклина).
>
> ...«Въ настоящее время только пролетаріатъ и его партія представляютъ интересы общественнаго прогресса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизненные интересы всего общества». (стр. 31)
>
> «Пролетарскіе интересы совпадаютъ въ настоящее время съ интересами націи». (стр. 11).

Точно также, какъ христіанская религія осудившая міръ зла, явилась освященіемъ его, соціалистическія партіи, присудившія къ гибели существующій строй, явились, какъ ни хотятъ затушевать это ортодоксы, партіями буржуазнаго прогресса.

Соціалистическая вѣра вдохновила своихъ приверженцевъ на борьбу за буржуазный прогрессъ, за развитіе и укрѣпленіе конституціонныхъ буржуазныхъ государствъ. Промышленная и политическая демократія, культурная работа въ муниципалитетахъ, кооперації и синдикаты подготовятъ рабочихъ къ соціалистической жизни.

Непримиримые анархисты станутъ, конечно, утверждать, что буржуазный міръ зла развратилъ только соц-д-овъ, что ихъ паденіе, ихъ оппортюнизмъ является слѣдствіемъ ихъ участія въ современныхъ законодательныхъ органахъ. Они же, отрицающіе участіе въ политикѣ, предохранены отъ такого вырожденія.

Сказанное нами вначалѣ о сущности всего соціалистическаго ученія XIX стол. доказываетъ всю тщетность надеждъ и увѣреній анархистовъ. Основа соціалистическаго ученія, — формула обобществленія какъ панацея, — въ какой бы чистой формулѣ ее ни взять, сама по себѣ есть нападеніе лишь на одну изъ формъ грабежа, а не на самъ вѣковой грабежъ. Отъ анархистской доктрины, такъ какъ она точно также старается лишь сохранить давно открытое соціалистическое евангеліе, ничего другого ожидать нельзя. И дѣйствитдльно, глава современнаго анархизма зоветъ всѣхъ въ революцію по тѣмъ же мотивамъ, что и научные соціалисты. Въ «Распаденіи современнаго строя» читаемъ:

«Безсиліе правящихъ классовъ становится все поразительнѣе и очевиднѣе... Они давно забыли всѣ руководящія начала...» (стр. 4)

«Вѣчно боясь, вѣчно дрожа за свое богатство, вѣчно оглядываясь назадъ и не смѣя взглянуть впередъ, *они оказываются рѣшительно неспособными внести въ народную жизнь что бы то ни было прочное и полезное*». (стр. 5).

«Всѣхъ ихъ гложетъ одна болѣзнь: болѣзнь старчества». (стр. 9)

«Если бы правящіе классы могли понять это положеніе дѣлъ, они конечно пошли бы на встрѣчу новымъ стремленіямъ. Но, состарившись въ преданіяхъ прошлаго, не уважая ничего, кромѣ туго набитаго кошеля и не понимая ничего, кромѣ власти, держащей народъ въ полномъ повиновеніи,—они всѣми силами мѣшаютъ новому теченію мысли пробиться наружу». (стр. 10)

«И вотъ рабочіе западной Европы начинаютъ понимать полнѣйшую неспособность—не только государства, не только королей и парламентовъ, но всѣхъ правящихъ, богатыхъ и образованныхъ сословій вообще. Они видятъ ихъ неспособность понять народныя нужды, ихъ *неспособность обезпечить рабочему благосостояніе въ уплату за его тяжелый трудъ*.» (Стр 8. Курсивъ нашъ.)

Какъ подъ знаменемъ научнаго соціализма, такъ и подъ знаменемъ анархизма «рабочіе Западной Европы» дѣлаютъ нападеніе на «правящіе классы» потому, что послѣдніе болѣе «неспособны» «управлять промышленностью», потому что они состарѣлись безповоротно. Позиція анархизма по отношенію къ вѣковому строю грабежа, какъ видитъ читатель, ничуть не враждебнѣе позиціи столь многогрѣшныхъ «парламентскихъ соціалистовъ».*) Напротивъ, глава современнаго анархизма, хоть онъ и противникъ всякаго правительства, обнаруживаетъ по отношенію къ «правящимъ классамъ» такую дѣтскую наивность,

*) Единомышленникъ Кропоткина говоритъ:... «Даже еслибы нашему идеалу не было бы и вовсе суждено осуществиться, онъ тѣмъ не менѣе *полезенъ для развитія общества*. Онъ — путеводная звѣзда прогресса, онъ показываетъ ему и цѣль, къ которой онъ долженъ стремиться, и препятствія, которыя могутъ отклонить его отъ должнаго пути; личности-же онъ показываетъ что должна она дѣлать,

какой не найдешь уже у «падшихъ» соц.-дем.-овъ. Онъ думаетъ, что «если бы правящіе классы» не «состарѣлись» и «могли понять положеніе дѣлъ», «они, конечно, пошли бы навстрѣчу новымъ стремленіямъ», «внесли бы въ народную жизнь» много «прочнаго и полезнаго», «обезпечили бы рабочему благосостояніе, въ уплату за его тяжелый трудъ», «поняли бы народныя нужды». Приходится прямо недоумѣвать, — на какомъ основаніи Кропоткинъ объявляетъ себя и свое ученіе враждебнымъ *всякому* правительству въ то время, какъ обосновано въ его ученіи возмущеніе *лишь противъ состарившихся* правящихъ классовъ. Всѣ прогрессивныя правительства, выступавшіе на разъ въ историческомъ развитіи, правительства, «понимавшія» новыя стремленія, понимали, по его мнѣнію, вмѣстѣ съ тѣмъ народныя нужды и обеспечивали народнымъ массамъ благосостояніе.

если она настолько энергична, что желаетъ стать свободной и счастливой. («Будущее общество» неоконч. русскій переводъ стр. 84)

Если на основаніи этой цитаты читатель захочетъ сравнивать степень «соціалистичности» и «революціонности» анархизма съ буржуазными, антиреволюціонными соціальдемократами, то не окажется возможности поставить анархистскаго учителя рядомъ даже съ Бердяевымъ, который въ своей книгѣ «Субъективизмъ и индивидуализмъ» считаетъ нужнымъ упрекать бернштейніанцевъ въ филистерствѣ за допущеніе мысли о «неосуществимости соціалистическаго идеала». Въ дѣйствительности, взглядъ на роль «конечной соціалистической цѣли», подобный выше приведенному взгляду извѣстнаго теоретика анархизма, можно найти только у самыхъ благонадежныхъ буржуазныхъ философовъ. Если взять книгу Штаммлера «Хозяйство и право», то вышеприведенную цитату анархиста окажется вполнѣ возможнымъ вставить въ любое мѣсто проповѣди нѣмецкаго профессора о «соціальномъ идеализмѣ».

Сходство взглядовъ доходитъ даже до полной тождественности въ выраженіяхъ объ «идеалѣ — путеводной звѣздѣ» въ «развитіи общества», въ преслѣдованіи «личностью» «свободы и счастья».

Въ Штаммлерѣ указанные взгляды никого, конечно, не удивляютъ; но какимъ образомъ ученіе Жана Грава не удивляетъ тѣхъ его учениковъ, которые усвоили себѣ привычку нападать на соц.-дем.-ій оппортюнизмъ, является вопросомъ очень интереснымъ.

Соціалисты и анархисты обѣщали рабочимъ въ соціалистическомъ идеалѣ освобожденіе отъ рабства. И вдругъ учитель анархизма совѣтуетъ тѣмъ же рабочимъ не настаивать черезъ-чуръ на осуществленіи «идеала» и цѣль свою — освобожденіе отъ рабства — превратить какъ бы въ «путеводную звѣзду», которой моряки руководятся въ своихъ путешествіяхъ, но достигнуть которую могутъ захотѣть лишь въ своихъ безумныхъ мечтаніяхъ. (Штаммлеръ)

Когда вышеприведенный взглядъ Жанъ Грава въ лагерѣ антиреволюціонеровъ — соц.-дем.-овъ высказалъ Бернштейнъ, то «государственники», по крайней мѣрѣ, хоть шумъ подняли и рѣшили хоть обуздать Бернштейна. Въ лагерѣ непримиримыхъ анархистовъ происходитъ та же, что и въ соц.-дем.-іи эволюція-легализація, примиреніе съ существующимъ строемъ, планы развитія этого строя, — но она происходитъ безъ всякаго шума, безъ всякаго скандала и бернштейніанецъ, Жанъ Гравъ все еще считается проповѣдникомъ самой крайней анархистской непримиримости.

А что если современныя «состарѣвшіеся» правящіе классы будутъ замѣнены новыми, молодыми, не безсильными и не невѣжественными? Вѣдь тогда исчезаетъ и резонъ и возможность дѣлать революцію, свергать правительства. быть анархистомъ. Этотъ роковой исходъ стоитъ передъ анархизмомъ въ той же силѣ, какъ передъ научнымъ соціализмомъ, какъ передъ всѣмъ соціализмомъ истекшаго столѣтія вообще. Не разъ въ исторіи низвергались революціями «состарѣвшіеся» правящіе классы, для того чтобы дать мѣсто новымъ. Гдѣ же гарантія, что правящіе классы перестанутъ существовать вообще?

Гарантіей могло бы служить лишь *сознательное стремленіе порабощенныхъ массъ къ низверженію всякихъ правящихъ классовъ, ретроградны ли они, или прогрессивны,*

Но вѣдь возстаніе современныхъ рабовъ возникло, по толкованію соціалистовъ, не по поводу существованія правящихъ классовъ вообще, а ихъ вырожденія, значитъ пока имѣется лишь реальная сила возмущенія и борьбы противъ застоя и вырожденія господствующаго общества. Гдѣ же сила низвергающая вообще господствующее общество?, уничтожающая само существованіе правящихъ классовъ? —Это сила нечеловѣческая, это историческое предопредѣленіе, которое протестъ противъ вырожденія и слабости современнаго строя, въ нашъ вѣкъ обѣщаетъ превратить въ борьбу противъ господства вообще. Марксисты стараются развить эту вѣру путемъ «научныхъ», «экономическихъ» измышленій и обѣщаній, анархизмъ — просто религіозной проповѣдью анархическаго идеала.

Подобно тому какъ христіанская вѣра не создаетъ ни іоты царства небеснаго на землѣ, а укрѣпляетъ лишь и освящаетъ строй гра-

---

Ученики Жанъ Грава скажутъ, что ихъ учитель имѣетъ то преимущество передъ Бернштейномъ, что не перестаетъ говорить о революціи. Такъ, непосредственно за вышеприведеннымъ мѣстомъ мы читаемъ: «При теперешнемъ положеніи дѣлъ, революція рождается эволюціей; она роковой фазисъ, черезъ который намъ предстоитъ пройти»... Но не надо забывать, что въ настоящее время, благодаря протесту ортодоксовъ, даже и Бернштейнъ сообразилъ, что «революціи» изъ виду упускать нельзя, и всѣ бернштейніанцы и жоресисты въ той же мѣрѣ, какъ и Жанъ Гравъ, угрожаютъ буржуазіи революціей. Если начатую фразу прочесть до конца, то увидимъ, что «революціонность» Жанъ Грава воздвигнута на томъ же пескѣ, что и у всѣхъ оппортунистовъ ... «и мы можемъ прибавить, что *она* (революція) *необходима еще для того, чтобы спасти человѣчество отъ регресса, къ которому влечетъ его эволюція буржуазнаго общества.*» (Курсивъ здѣсь и выше нашъ.)

Итакъ, если анархистскій учитель съ самаго начала сказалъ намъ, что соціалистическій идеалъ необходимъ для развитія существующаго общества, то теперь онъ говоритъ, что революція необходима для спасенія его отъ вырожденія.

Ту сущность соціализма, которую мы стараемся въ нашемъ очеркѣ раскрыть, Жанъ Гравъ высказываетъ намъ самымъ откровеннымъ образомъ. Онъ революціонеръ, поскольку буржуазное общество вырождается. Если же оно прогрессируетъ, онъ не только не думаетъ его низвергать, а самъ же станетъ его собственными руками развивать съ помощью своей «путеводной звѣзды — соціалистическаго идеала.»

бежа, точно также и соціалистическое вѣроисповѣданіе не создаетъ соціалистическаго рая, а способствуетъ лишь буржуазному прогрессу, порожденію тѣхъ новыхъ, молодыхъ правящихъ классовъ, отсутствіе которыхъ вызвало его на борьбу.

Соціализмъ XIX стол. старается вникнуть лишь въ явленія слабости, въ процессъ разложенія современной формы господства. Отъ этого, понятно, ничуть еще не раскрывается тайна господства вообще. Онъ доказываетъ лишь негодность современнаго правящаго общества, — этимъ еще не доказана «негодность», паразитизмъ и грабежъ всѣхъ выступающихъ въ исторіи господъ. Напротивъ, марксизмъ ставитъ главной своей задачей доказать, необходимость для человѣческаго общежитія всѣхъ выступавшихъ въ исторіи господствующихъ классовъ, а глава анархизма склоняется, какъ мы видѣли, къ мысли, что правящее общество могло бы «понять народныя нужды», «обезпечить народу благосостояніе» и повидимому оно это уже дѣлало.

Стало быть, соціализмъ XIX стол. не вскрываетъ и не хочетъ вскрыть основы всякаго — не только слабаго но и сильнаго — господства. Онъ не сознаетъ и не хочетъ признать и увидѣть грабежъ въ самомъ существованіи господъ на всемъ протяженіи исторіи.

Не въ его силахъ и не въ его желаніи создать настоящія, реальныя, человѣческія предпосылки паденія вѣкового строя грабежа и насилія. — А между тѣмъ его главная задача — пріобрѣсти довѣріе массъ и создать въ нихъ непоколебимую вѣру, что именно соціализмъ есть путь къ низверженію строя грабежа. И тутъ-то передъ нимъ выростаетъ спеціальная задача — внушить увѣренность въ наступленіе соціалистическаго рая, «нѣзависимое отъ воли» людей, предопредѣленное историческимъ ходомъ, вытекающее изъ объективныхъ историческихъ законовъ.

Это обычная задача всякой религіи, и соціалистическая религія выполнила ее блестяще. Отъ изобрѣтенія различныхъ сверхъестественныхъ сущностей, отъ изобрѣтенія новаго вида провидѣнія не предохранила соціалистовъ позитивная, атеистическая наука XIX столѣтія. Напротивъ—въ тотъ же моментъ, когда соціализмъ почувствовалъ непреодолимую потребность стать открывающей и предугадывающей законы общественнаго развитія наукой, въ тотъ же моментъ и этимъ же самымъ онъ рѣшился создавать религіозныя фикціи. Соціалистическая наука принесла тѣ же плоды, что и наука языческихъ жрецовъ и христіанскихъ теологовъ.

Анархисты стараются показать ,что наука марксистовъ оказалась столь гибельной для революціоннаго соціализма потому, что воспользовалась не истинными основами и методами современной науки, а отжившей метафизикой и главнымъ образомъ похороненнымъ ученіемъ гегельянцевъ. Анархисты, напротивъ, положили въ основу своего ученія строгій позитивизмъ, настоящій научный методъ естественныхъ наукъ, индуктивно-дедуктивный методъ, предохраняющій отъ всякой метафизики и гарантирующій безошибочность соціалистическому ученію.

Въ виду этого взглянемъ еще разъ на главные выводы «научнаго анархизма». Мы при этомъ убѣдимся, что методъ естественныхъ наукъ» какимъ то фатальнымъ образомъ вводитъ насъ въ область мечтаній фразъ и фикцій; доходя до тѣхъ же, что и марксизмъ усыпляющихъ и обуздывающихъ выводовъ, онъ очень часто увлекаетъ насъ въ гораздо болѣе туманные сферы, нежели марксизмъ. Мы еще разъ увидимъ, что съ революціонною непримиримостью анархистской доктрины происходитъ какое то невѣроятное недоразумѣніе. Мы убѣдимся, наконецъ, что своимъ стремленіемъ къ «научности» у анархи-

стовъ также, какъ и у марксистовъ соціализмъ не выходитъ изъ области вѣрованій, а, напротивъ,—соціалистическая наука, именно своимъ стремленіемъ къ научности, объективности, общеобязательности, выполняетъ общую всѣми религіямъ функцію. Намъ придется имѣть дѣло главнымъ образомъ съ тѣмъ же Кропоткинымъ, какъ важнѣйшимъ представителемъ анархистской науки,

III

Весь анархистскій революціонизмъ Кропоткина, стремящійся якобы къ непосредственному низверженію вѣковой неволи, основывается на мечтаніяхъ о чудодѣйственномъ *народномъ творчествѣ*, которое въ одинъ прекрасный день, на основѣ общечеловѣческбй солидарности построитъ, по анархистскимъ, конечно, принципамъ, соціалистическій, рай, лишь бы только свергнуть существующія централизованныя правительства и не дозволить «властолюбивому меньшинству» занять ихъ мѣсто.

«Основаніемъ всякой истинно-революціонной программы должны быть народные идеалы, *какъ ихъ создала исторія въ данное время и въ данной мѣстности.*»

Этотъ главный пунктъ землевольческой программы (написанной вѣроятно Плехановымъ) — составляетъ до сихъ поръ основу Кропоткинскаго ученія, въ его примѣненіи не только къ Россіи, но и ко всѣмъ цивилизованнымъ странамъ.

Какъ показала практика русскихъ революціонеровъ, эти народническія мечтанія не въ состояніи вызвать *никакого* революціоннаго движенія. Но въ анархисткомъ у ч е н і и Кропоткина они играютъ опредѣленную роль, совершаютъ реальное дѣло: идеализируютъ всю истекшую исторію и вмѣстѣ съ тѣмъ существующій строй неволи.

Дѣло въ томъ, что «народное творчество» можетъ оказаться чудодѣйственнымъ въ созданіи будущаго идеальнаго строя лишь въ томъ случаѣ, если оно на протяженіи всей исторіи не бездѣйствовало. И дѣйствительно. —

«В о всѣ в р е м е н а ... народныя массы вырабатывали въ видѣ обычая, рядъ учрежденій, необходимыхъ для того, чтобы общественная жизнь была возможна... *ради обезпеченія равенства, мира и взаимной поддержки...* Этой созидательной творческой народной дѣятельностью... вырабатывались въ прошломъ *всѣ учрежденія общежитія.*» (Кропоткинъ «Современная наука и анархизмъ» стр. 6-9. Курсивъ нашъ).

Итакъ, несомнѣнно, во всѣ времена «народъ» стремился къ «равенству» и благодаря его «созидательной дѣятельности» извѣстныя намъ историческія «учрежденія общежитія» имѣютъ цѣлью удовлетвореніе потребностей членовъ общества.

Для пониманія этой исторической перспективы анархистскаго ученія, надо, читатель, непремѣнно не упускать изъ виду, что рѣчь идетъ не столько о дѣйствительно происходившихъ событіяхъ, сколько о праздничныхъ мечтаніяхъ всѣхъ вѣковъ, при чемъ послѣдніе полезно прикрашивать мечтаніями современности. Это необходимо, иначе никакого смысла не получится. Въ самомъ дѣлѣ, если взять для при-

мѣра то «учрежденіе общежитія», которое составляло на протяженіи тысячелѣтій основу цивилизаціи древности, то получится, что «созидательная творческая дѣятельность», напр., греческаго народа «ради обезпеченія равенства»... сковала цѣпи для рабовъ.

Идеализмъ, присущій всему соціализму XIX стол. выступаетъ въ анархистской доктринѣ въ концентрированномъ видѣ. Она предлагаетъ для скорѣйшаго достиженія соціалистическаго рая цѣлую систему всеобщаго самообмана и самоусыпленія. Въ этомъ отношеніи, другіе теоретики анархизма, Жанъ Гравъ, Малатеста и пр. не останутся позади Кропоткина. Анархистское ученіе ставитъ себѣ цѣлью извлечь изъ всей исторіи чистый элементъ общественности, общественной солидарности, взаимопомощи, найти его происхожденіе не только въ глубинѣ человѣческой психики но и въ инстинктахъ самой животной жизни, доказать вопреки дарвинистамъ, что доминирующимъ факторомъ въ царствѣ животныхъ, какъ и въ исторіи человѣческихъ обществъ, является не «борьба», а «солидарность». *) Эксплуатація и неволя не исчезаютъ потому, что люди не хотятъ повѣрить въ возможность существованія общества на началахъ противоположныхъ современному индивидуализму. Анархистская проповѣдь имѣетъ цѣлью укрѣпить эту вѣру. И анархистскіе теоретики не замѣчаютъ, какъ они превращаются въ истыхъ моралистовъ и проповѣдниковъ. Ихъ благочестивая соціалистическая вѣра не даетъ возможности увидѣть весь размѣръ неволи порабощенныхъ массъ, всю силу господства эксплуататоровъ. Послѣднее является какимъ то болѣзненнымъ извращеніемъ человѣческой природы, случайнымъ заблужденіемъ всего человѣчества. **)

Религіозное отношеніе анархистскихъ мыслителей къ «солидарности» заставляетъ ихъ молиться передъ этимъ сокровищемъ человѣ-

---

*) Въ своей брошюрѣ «Анархія» Малатеста говоритъ: «Достаточно конста тировать, какъ въ человѣчествѣ кооперація — *вынужденная ли,* или добровольная, сдѣлалась единственнымъ средствомъ прогресса, совершенствованія, безопасности, и какимъ образомъ борьба, какъ атавизмъ — сдѣлалась совершенно неспособной содѣйствовать благосостоянію индивидуумовъ, а, напротивъ, причиняетъ зло всѣмъ, побѣдителямъ также какъ и побѣжденнымъ». (Стр. 22. курсивъ нашъ).

Не смотря на всѣ благочестивыя усилія анархиста не дать затеряться добру въ человѣчествѣ и его исторіи, міръ зла фатально торжествуетъ и увлекаетъ самого прекраснодушнаго проповѣдника. Онъ считаетъ абсолютнымъ зломъ «борьбу» и «принужденіе». Но такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сторонникъ всякой, даже «принудительной», «вынужденной» кооперации, какъ единственнаго «пути прогресса», то, наперекоръ своему абсолюту, онъ тутъ же прославляетъ ту борьбу и принужденіе, плодомъ которыхъ является вынужденная кооперація.

**) «Въ настоящее время человѣкъ... долженъ признать, что предки его шли по ложной дорогѣ, когда они избивали, грабили, эксплуатировали другъ друга, онъ долженъ вернуться къ солидарности, зародыши которой не могли вытравить въ немъ тысячелѣтія междоусобной борьбы.» (Жанъ Гравъ. «Будущее общество» стр. 26 русскаго неоконченнаго перевода.)

ческой души даже тогда, когда оно является братствомъ господствующихъ и эксплуататоровъ. Какъ самый заурядный демократъ — республиканецъ Кропоткинъ восхищается «коммунизмомъ» купцовъ «Великаго Новгорода» и буржуазіи средневѣковыхъ городовъ, восхищается «общественностью» древнихъ грековъ, совершенно забывая, что это солидарность рабовладѣльцевъ, смотритъ на ихъ республиканскія государства, какъ на безгосударственныя общины. И, наконецъ, въ его дѣтской схемѣ историческаго развитія, изложенной напр. въ «Современная наука и анархизмъ», всѣ соціалистическіе и анархическіе взгляды превращаются въ самую обыкновенную демократическую формулку. «Во всѣ времена» у анархистскаго мыслителя существуютъ, какъ у всякаго демократа, только такіе два основныхъ антагонизма— «*правительство*» и «*народъ*». Народъ творилъ равенство, «власть, насѣвшая на общество» иортила хорошее дѣло. Да и то не всегда, какъ оказывается, а тольковъ моменты реакціи, наканунѣ революцій...

«Затѣмъ во всѣ времена происходило также и то, что учрежденія, — даже самыя прекрасныя по своей первоначальной цѣли, выработанныя сперва людьми ради обезпеченія равенства, мира и взаимной поддержки, — *со временемъ окаменѣвали*, утрачивали свой первоначальный смыслъ, подпадали подъ иго властолюбиваго меньшинства *и становились, наконецъ, стѣсненіемъ для личности*, въ ея стремленіяхъ къ дальнѣйшему развитію». (l. c. стр. 7.)

Тогда наступало время революцій. Читатель, знакомый съ предисловіемъ Маркса къ «Zur Kritik der pol. E.» вспомнитъ, конечно, при чтеніи только что приведенной цитаты, фразу основателя научнаго соціализма о томъ, что наканунѣ политическихъ переворотовъ общественныя формы изъ формъ развитія производительныхъ силъ общества, становятся тормазомъ ихъ. Общеизвѣстно, какое значеніе придаютъ этому положенію современные научные соціалисты, сводящіе всю свою теорію «экономическаго матеріализма» къ ученію о законосообразности историческаго развитія производительныхъ силъ и производственныхъ нуждъ цивилизованнаго общества. Книжка Бельтова о монистическомъ взглядѣ на исторію имѣетъ цѣлью доказать, что это положеніе, въ видѣ реалистическаго и матеріалистическаго приложенія гегельянской правды о томъ, какъ все хорошо на своемъ мѣстѣ и все истинно для своего времени, — что это положеніе представляетъ основную мудрость марксистской философіи. И вотъ эта мнимая панацея реалистическаго мышленія, эта гарантія противъ всякаго утопизма оказывается въ полной наличности у мыслителя, котораго сами марксисты считаютъ идеалистомъ и утопистомъ. Кропоткину незачѣмъ стараться уяснить себѣ историческій процесъ, какъ «экономическую» классовую борьбу въ человѣческомъ обществѣ за за владѣніе богатствами, о чемъ онъ до сихъ поръ никакого понятія не имѣетъ, какъ свидѣтельствуютъ первыя страницы его только что упомянутой брошюры. Для присоединенія его къ современнымъ «матеріалистическимъ» научнымъ соціалистамъ, отъ него потребуется лишь побольше болтать по марксистски о томъ, что со всѣми существовавшими общественными формами дѣло обстояло точно также, какъ со всѣми потребляемыми вещами: хороши пока новы, — плохи, когда состарѣются.

Такимъ именно путемъ по призыву Бельтовыхъ превратилась повально въ марксистскую вся народническая и субъективистская интеллигенція, такимъ путемъ выросла воспитанная ортодоксами — Плехановыми и Тулиными — славная плеяда такихъ пролетарскихъ идеологовъ какъ Струве, Туганъ — Барановскій, Булгаковъ, Бердяевъ, объявившихъ вскорѣ, когда они сочли это своевременнымъ, о томъ, что ортодоксальная «классовая точка зрѣнія» есть субъективизмъ и утопизмъ. Они согласились на сотрудничество съ Бельтовыми не ради развитія классовой точки зрѣнія, а ради проповѣдуемой Бельтовыми и обуздывающей классовую борьбу марксистской теоріи объективизма, теоріи производственныхъ нуждъ и законовъ.

То обстоятельство, что главный выводъ этой теоріи находится въ обладаніи мыслителя, и не думающаго даже понимать исторію какъ «классовую экономическую борьбу», возможно только потому, что въ основѣ «матеріалистической» теоріи производственвыхъ нуждъ положена та же, чисто идеалистическая фикція, на которой построена и Кропоткинская историческая схема. Какъ Марксъ, такъ и Кропоткинъ относительно всѣхъ существовавшихъ «формъ общежитія» единогласно учатъ насъ, что онѣ были достойны низверженія *лишь тогда*, когда «устарѣли» (Марксъ) «окаменѣли» (Кропоткинъ). Но въ моментъ возникновенія всѣ эти «формы общежитія» были «формами развитія производительныхъ силъ общества», «формами удовлетворенія производственныхъ нуждъ» (Марксъ). воздвигались «ради обезпеченія равенства, мира и взаимной поддержки между людьми» (Кропоткинъ).

Цивилизація на протяженіи всѣхъ вѣковъ ея развитія не знаетъ никакихъ «формъ общежитія» *внѣ* средневѣковаго рабства, *внѣ* крѣпостнаго права среднихъ вѣковъ, *внѣ* современнаго рабства наемныхъ ручныхъ рабочихъ. Но соціалистическая наука, какъ марксистская, такъ и анархистская, умѣетъ тѣмъ не менѣе на протяженіи этой цивилизаціи открыть въ формахъ рабства нужную ей фикцію *единаго* общества, развивающагося согласно *общественнымъ* нуждамъ, согласно нуждамъ всѣхъ членовъ общества, умѣетъ установить фикцію *единаго* человѣчества, движущагося на протяженіи вѣковъ согласно *общечелчеловѣческимъ* потребностямъ.

Когда благочестивая соціалистическая вѣра со своими сказками о томъ, какъ «во всѣ времена» «народъ творилъ» «всѣ формы общежитія», сталкивается съ рабочимъ движеніемъ, пытаясь овладѣть имъ, она становится по необходимости марксистской. Передъ лицомъ возстающихъ рабовъ современнаго общества, она принуждена признать, что цивилизованное общество есть «классовое государство». Но раскрыть эту тайну она согласилась лишь тогда, когда оказалась возможность не лишиться при этомъ фикціи *единаго общества и единаго человѣчества*, а напротивъ — *перенесеніемъ ея въ область безсознательнаго* — еще болѣе укрѣпить всемогущество независимыхъ отъ воли людей законовъ общечеловѣческаго производства и непререкаемаго историческаго хода вещей.

Анархистская теорія не спѣшитъ вслѣдъ за марксизмомъ компрометировать исторію неприличными намеками, будто историческій ходъ есть непрерывный рядъ звеньевъ, изъ которыхъ каждое...—классовое господство. Но подчинять, по примѣру марксистовъ, возмущеніе рабовъ современнаго общества научному контролю, историческимъ за-

конамъ, анархистская теорія, хотя и противникъ всякихъ законовъ, считаетъ дѣломъ очень нужнымъ и полезнымъ. Сладкозвучная пѣсня о величественной солидарности, пріобрѣтая, научную глубину, становясь общественной наукой, работаетъ въ томъ же направленіи, какъ и марксизмъ, какъ и вся современная соціологія.

И вотъ результаты всѣхъ этихъ научныхъ трудовъ. Цивилизованное общество — государство изъ организаціи неволи превращено въ «форму общежитія», имѣющую цѣлью удовлетвореніе потребности всѣхъ членовъ общества. Историческій ходъ, какъ выраженіе общечеловѣческихъ нуждъ и потребностей, какъ выраженіе воли человѣчества, возведенъ на высоту непререкаемаго судилища, передъ которымъ должно смиряться все.

Анархистская теорія, хотя ходячее о ней мнѣніе считаетъ ее воплощеніемъ непримиримаго возмущенія противъ всякаго гнета, никогда до сихъ поръ, — также какъ и научный соціализмъ, — въ бунтахъ рабовъ всѣхъ эпохъ не разслышала возмущенія противъ историческаго хода, присуждающаго большинство человѣчества къ рабству. Она никогда, какъ и марксизмъ, не хотѣла досмотрѣть, что историческому ходу противостоитъ подавленная жизнь громаднаго большинства человѣческихъ существъ, рождавшихся въ каждомъ изъ существовавшихъ до селѣ поколѣній. Анархистамъ, какъ и марксистамъ и въ голову не приходитъ, что существующую неволю можетъ упразднить лишь возмущеніе и недовольство, рождающее бунтъ противъ историческаго хода, по законамъ и велѣніямъ котораго до сихъ поръ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, неволя подлежащая разрушенію лишь укрѣплялась.

Рабочая революція есть нѣчто отличное и отъ научнаго соціализма и отъ научнаго анархизма. Рабочая революція есть неотвратимое слѣдствіе того факта, что «историческій ходъ» является выраженіемъ воли захватившаго всѣ богатства и господствующаго меньшинства, что этотъ историческій ходъ приговариваетъ до сихъ поръ большинство человѣчества рождаться въ рабствѣ, въ положеніи низшей рассы. Рабочая революція есть возстаніе рабовъ современнаго общества противъ историческихъ законовъ, которыя до сихъ поръ весь земной шаръ превращаютъ для нихъ въ тюрьму.

Но анархистскій, марксистскій и всякій другой ученый старается «*открыть, прежде всего*, путемъ изученія современнаго общественнаго строя, его стремленія, *его направленіе, свойственныя ему въ данный моментъ развитія*, и указать эти стремленія» (Анар. ея фил. и т. д. стр. 58).

«Анархизмъ представляетъ собою попытку приложить обобщенія, добытыя естественно-научнымъ индуктивнымъ методомъ, къ оцѣнкѣ человѣческихъ учрежденій, и *угадать на* основаніи этой оцѣнки *дальнѣйшіе шаги человѣчества на пути свободы равенства и братства*.» (Совр. наука и ан., стр. 62).

Рабское положеніе рабочихъ массъ всего міра, интересы жизни и человѣческаго существованія порабощеннаго большинства — всего этого еще недостаточно, чтобы занять высокій умъ ученыхъ опекуновъ историческаго процесса и современнаго строя, все это, само по себѣ, недостаточный и недостойный мотивъ для ихъ мыслей и дѣлъ. Они ищутъ въ настоящее время столь же неутомимо, какъ и во всѣ прошедшіе вѣка, достойнаго предмета своихъ изслѣдованій, они ищутъ

для человѣческаго общества законовъ божескихъ, законовъ природы, законовъ вселенной. И столь же успѣшно, какъ во времена языческихъ жрецовъ и христіанскихъ теологовъ, изъ ихъ великихъ затѣй получается лишь пустословіе паразитовъ на тѣлѣ рабовъ современной каторги ручного труда, лишь краснобайство и, прежде всего — укрѣпленіе существующаго рабства, обуздываніе мысли и воли массъ призрачнымъ величіемъ и авторитетомъ касты ученыхъ сверхъ - человѣковъ.

IV

Главная заслуга, которую хочетъ приписать себѣ марксистскій соціализмъ, состоитъ якобы въ раскрытіи имъ утопичности первоначальнаго соціализма, въ опредѣленіи ея источника, въ предохраненіи рабочей программы отъ утопическихъ заблужденій первыхъ соціалистовъ. Предъидущая наша глава показываетъ, что эта претензія научныхъ соціалистовъ, по меньшей мѣрѣ, преждевременна. Марксисты, хотя и объявляютъ войну тому утопизму, которымъ отличается всякій анархистскій теоретикъ, не въ силахъ однако упразднить этотъ утопизмъ въ корнѣ. Открыть его источникъ не въ состояніи никакой, марксистъ и всѣ попытки научныхъ соціалистовъ въ этомъ направленіи особымъ успѣхомъ похвалиться не могутъ.

Плехановъ, написавшій такъ много объ утопизмѣ, какъ въ своей полемической брошюрѣ противъ анархизма, такъ и въ своей легальной книгѣ противъ народниковъ, пытается не безъ основанія привести и тѣхъ и другихъ въ идейную связь съ первыми утопистами и энциклопедистами. Но общій всѣмъ указаннымъ теченіямъ источникъ утопизма схваченъ имъ очень поверхностно и ударъ наносимый, какъ русскому народническому соціализму, такъ и анархизму такъ легковѣсенъ, что лишь обтесываетъ утопизмъ, ничуть не упраздняя его. Напротивъ, обтесанному и исправленному утопизму предоставляется спокойное дальнѣйшее существованіе и при томъ, что самое главное, не только у противниковъ Плеханова, но и у самихъ марксистовъ.

Источникъ утопизма по мнѣнію Плеханова заключается въ томъ — общемъ и просвѣтителямъ и первымъ соціалистамъ — убѣжденіи, по которому для человѣчества существуетъ совершенный, идеальный строй, соотвѣтствующій человѣческой природѣ, долженствующій быть открытымъ при посредствѣ разума и не открытый до сихъ поръ по винѣ человѣческихъ заблужденій. Этому утопизму только научный соціализмъ въ состояніи противопоставить свое единственно вѣрное ученіе о томъ, что для измѣняющейся человѣческой природы нѣтъ неизмѣннаго идеальнаго строя, что всякій строй хорошъ въ свое время и на своемъ мѣстѣ.

Если формулированный Плехановымъ упрекъ попадаетъ въ энциклопедистовъ, то по отношенію къ анархистамъ и русскимъ народникамъ онъ попадаетъ чаще всего въ просакъ. Всѣ народники и хранители идей 70-хъ годовъ, не только революціонные народовольцы, но и просто мирные либеральные господа, послѣ того, какъ Бельтовъ провозгласилъ, какъ основу пролетарскаго ученія, эту Гегелевскую правду, стали прямо носиться съ «историзмомъ», «исторической преемственностью» и старались показать, что если только въ этомъ вся требующаяся отъ нихъ мудрость классового ученія, то они сами знаютъ ее не хуже «настоящихъ учениковъ».

Что касается анархистовъ и въ частности Кропоткина, то, какъ мы уже видѣли, онъ тоже самъ знаетъ философскую основу пролетарской исторіософіи. Во всѣ времена, учитъ онъ, всѣ учрежденія общежитія создавались народомъ, народнымъ творчествомъ ради обезпеченія міра, взаимной поддержки, равенства и свободы. Самыя прекрасныя при своемъ возникновеніи, они съ теченіемъ времени старѣлись, окаменѣвали, становились помѣхой дальнѣйшему развитію и низвергались въ революціяхъ.

Въ такихъ словахъ утопистъ Кропоткинъ формулируетъ, во всей полнотѣ, доступную якобы только пролетарскому марксизму историко—философскую основу научнаго соціализма; врагъ діалектики формулируетъ основной пунктъ діалектическаго матеріализма. Это значитъ, во первыхъ, что современные ученые соціалисты черпаютъ эту безусловную, признаваемую всѣми оттѣнками соціализма истину не изъ Гегеля только, какъ единственнаго ея источника, а изъ себя самихъ, изъ собственнаго своего отношенія къ цивилизованному обществу и его исторіи, отношенія, оказывающагося у нихъ въ этомъ основномъ пунктѣ, тождественнымъ съ отношеніемъ къ этому обществу прусскаго королевскаго патріота. Это значитъ во вторыхъ, что формулируя антиутопическую основу реалистическаго марксизма, глава анархизма ни на іоту не колеблетъ этимъ своего утопизма, который въ самой этой формулѣ такъ и остается во всей своей дѣвственной чистотѣ, поучая насъ о томъ, что всѣ учрежденія въ исторіи создавались ради всеобщаго равенства и свободы. Утопизмъ анархистскаго ученія для премудрой марксистской критики неуловимъ. Онъ всегда умѣетъ провести ее, — удовлетворивъ самымъ строгимъ требованіямъ ея научности, онъ по прежнему остается живъ и невредимъ.

Выше мы отмѣтили тотъ пунктъ анархистской науки, въ которомъ обнаруживается ея непосредственное схожденіе съ марксизмомъ. Намъ предстоитъ теперь болѣе подробно остановиться на тѣхъ ея пунктахъ, которые, повидимому, представляютъ наибольшее съ нимъ расхожденіе и даже считаются обыкновенно полною его противоположностью, какъ наиболѣе яркое проявленіе утопизма.

«Въ теченіи трехъ послѣднихъ вѣковъ» происходитъ «развитіе индивидуализма»... «Большинство людей думали... что обезпечивъ себя, каждаго порознь, человѣкъ сможетъ вполнѣ освободиться и отъ капитала. «Деньги, думали люди, дадутъ мнѣ возможность купить все, что мнѣ нужно въ томъ числѣ и свободу.» *Но оказалось, что тутъ крылась глубокая ошибка.*» (стр 33)

И не только новѣйшія вѣка, но и весь ходъ исторіи, всѣ виды порабощенія учреждались исключительно вслѣдствіе человѣческой недальнозоркости.

«Во весь этотъ періодъ кровопролитія, нищеты и эксплуатаціи, называемой человѣческой исторіей... человѣкъ не видѣлъ ничего, кромѣ той работы, которую можетъ произвести порабощенный, и не думалъ о томъ, что необходимость подавлять въ будущемъ различные рабочіе возстанія въ концѣ концовъ потребуетъ столько же труда и что выгоднѣе было бы работать вмѣстѣ, помогая другъ другу... Такимъ образомъ установилась власть и собственность.» (Жанъ Гравъ, Умирающее общество и анархія, стр. 12-13).

Итакъ государство и капиталъ существуютъ въ силу человѣческихъ заблужденій и недомыслія.

«Къ принужденію люди прибѣгали втеченіе цѣлаго ряда вѣковъ *и такъ безуспѣшно*, что мы находимся теперь въ положеніи, изъ котораго не можемъ выйти иначе, какъ разрушивъ и уничтоживъ принудительныя учрежденія нашего прошлаго.» (Кропоткинъ «Анархія, ея философія и ея идеалъ», страница 52. Курсивъ всюду нашъ.)

Итакъ, вся исторія — одна сплошная ошибка. Всѣ жившіе доселѣ на земномъ шарѣ милліарды человѣческихъ существъ въ опредѣленіи своихъ взаимныхъ отношеній безпрерывно заблуждались, ежечасно дѣйствовали во вредъ семимъ себѣ.

Обыкновенный смертный, если случайно дойдетъ до подобнаго вывода, вѣроятно протретъ глаза, оглянется вокругъ себя и подумаетъ прежде всего, что ужъ вѣрно онъ самъ, а не все человѣчество, залѣзъ въ непролазныя дебри.

Но анархистскій мыслитель слишкомъ великъ для подобнаго рода ощущеній. Онъ непоколебимо убѣжденъ, что въ немъ, впервые за всѣ вѣка, родилось существо съ нормальной логикой, съ вѣрнымъ взглядомъ на вещи.

Свое невѣроятное положеніе анархистскій мыслитель старается сдѣлать болѣе правдоподобнымъ тѣмъ, что ошибка, въ которой онъ уличаетъ человѣчество, слѣдуетъ у него не изъ природной близорукости людей, а изъ ихъ моральнаго помраченія. Грубый, элементарный эгоизмъ не позволяетъ людямъ, въ особенности рабовладѣльцамъ, разглядѣть свой собственный интересъ. И анархистъ серьезно огорченъ, какъ мы видѣли, тѣмъ, что рабовладѣльцы всѣхъ вѣковъ устроили себѣ несчастную жизнь, что они принуждены были затрачивать столько тяжелаго труда «на надзоръ» за порабощенными, «на подавленіе различныхъ ихъ возстаній.»

Укрѣпляясь въ своихъ взглядахъ, анархистъ начинаетъ все болѣе ненавидѣть грубый элементарный эгоизмъ людей, грубыя матеріальныя стремленія, какъ виновниковъ всѣхъ несчастій человѣчества. Это не что иное, какъ обычный злой духъ, изобрѣтаемый всѣми религіозными системами, злой духъ, который всякій человѣкъ долженъ подавить въ себѣ, иначе счастье никогда не будетъ достигнуто на землѣ.

Дѣйствительный міръ, между тѣмъ, не перестаетъ быть низменнымъ, и смертные по прежнему все упорствуютъ въ своихъ заблужденіяхъ. На всемъ земномъ шарѣ все чаще выступаютъ массы людей въ «чисто-эгоистическую» борьбу за «копѣйку», за грубый матерьяльный интересъ. Нечего доказывать, что на эту борьбу рабовъ современнаго общества, несущую въ своемъ развитіи всемірное возстаніе рабовъ противъ строя грабежа, ученіе добродѣтельныхъ Гракховъ можетъ оказывать лишь такое вліяніе, какое оказываетъ ученіе о томъ, что «не однимъ хлѣбомъ живъ человѣкъ».

Анархистъ, поскольку соглашается на участіе въ экономической стачкѣ за конкретныя требованія рабочихъ, видитъ въ ней лишь воспитательное средство для массъ и норовитъ всегда формулировать всеобщую стачку лишь какъ актъ солидарности, протеста, какъ стремленіе къ идеалу, какъ демонстрацію, которыми въ концѣ концовъ не пренебрегутъ, конечно, воспользоваться соц.-дем.-ы для реальныхъ, зем-

ныхъ цѣлей участія во власти, какъ это случилось въ Италіи прошлымъ лѣтомъ.

Если же анархистъ рѣшитъ оставаться непремѣнно вѣрнымъ своей доктринѣ, не измѣнять идеалу и не поддаваться искушеніямъ низменнаго міра, тогда онъ сознательно и безповоротно вступаетъ въ ряды профессіональныхъ проповѣдниковъ, которыхъ по его собственному убѣжденію невѣжественнымъ массамъ не скоро еще удастся сбросить съ своихъ плечъ. *)

Въ этой фазѣ анархистская доктрина становится уже вполнѣ религіозной проповѣдью, которая должна научить чернь, живущую грубыми матеріальными интересами, жить согласно возвышенному идеалу. И тутъ анархистская доктрина соприкасается непосредственно то съ толстовщиной, то съ неокантіанствомъ и бердяевщиной, дошедшей по пути «строгой науки» до сознанія необходимости метафизики и религіи.

Когда проповѣдникъ съ призывомъ ко всеобщей любви входитъ въ ту тюрьму, которая называется цивилизованнымъ обществомъ, — онъ своею проповѣдью лишь поддерживаетъ и укрѣпляетъ эту тюрьму, зоветъ порабощенныхъ изъ рабовъ подневольныхъ стать рабами по совѣсти.

Нѣтъ никакого основанія предполагать, что получатся другіе результаты изъ анархистской проповѣди въ строѣ неволи —солидарности, мира, сотрудничества и осужденія въ немъ эгоизма, борьбы и насильственнаго принужденія.

Анархистская доктрина не угрожаетъ паденіемъ вѣковому строю грабежа потому во первыхъ, что она, какъ мы видѣли, не соглашается признать его основнымъ фактомъ жизни цивилизованнаго общества.

Конечно «предки» наши «избивали, грабили, эксплуатировали другъ друга». Но вѣдь это была ошибка, заблужденіе, наносившее вредъ имъ самимъ. Ихъ грабежъ и эксплуатація не слѣдовали неизбѣжно изъ ихъ природы, а были лишь случайнымъ, ошибочнымъ проявленіемъ дурной стороны ихъ души.

Стало быть насиліе, грабежъ и эксплуатація въ развитіи человѣчества явленіе не существенное. На ряду съ ними происходитъ нѣчто болѣе важное и существенное — проявленіе человѣческой солидарности, слѣдствіемъ которой является общественное развитіе, совершенствованіе человѣческаго сотрудничества и прогресса. (См. выше ст. 14 Малатеста). Не грабежъ и эксплуатація, а это именно развитіе человѣческаго сотрудничества есть основное начало историческаго развитія. Вотъ почему «всѣ учрежденія общежитія» создавались путемъ «народнаго творчества» «для обезпеченія равенства», вотъ почему вся исторія есть безпрерывное движеніе къ «свободѣ, равенству и братству» (См. выше у Кропоткина стр. 13)

Предки наши грабили и эксплуатировали. Но это вовсе не значитъ, что они и въ основаніе построеннаго ими цивилизованнаго общества положили грабежъ и эксплуатацію. Какъ разъ наоборотъ

*) Жану Граву представляется время необходимое для того, чтобы по его выраженію «вдолбить толпѣ въ башку» «наши идеалы» и подготовить для коммунистической жизни, не менѣе продолжительнымъ, чѣмъ самому оппортюнистическому бернштейніанцу. (См. ниже.)

Въ основаніе развивающагося общества положено ими нѣчто прямо противоположное, а именно (Малатеста ст. 14) — сотрудничество. Да! въ основѣ существующаго до настоящаго времени цивилизованнаго общества лежитъ не борьба, а «кооперація», это «единственное средство прогресса совершенствованія и безопаности.»

Анархистская доктрина сдѣлаетъ, пожалуй, уступку и согласится признать это сотрудничество «принудительнымъ». Но вѣдь все равно, даже принудительная ассоціація — средство прогресса, совершенствованія и безопасности и только открытая борьба является негоднымъ, для всѣхъ вреднымъ атавистическимъ началомъ.

Итакъ анархистская доктрина въ современномъ обществѣ видитъ прежде всего проявленіе солидарности. Носителями этой солидарности, продуктами сотрудничества являются для нея всѣ современныя «страны», «націи». Тутъ антигосударственникъ умѣетъ совсѣмъ забыть, какъ мы видѣли (Вып. I), что эти націи — это государства, которымъ онъ будто бы объявляетъ войну.

Своими соціалистическими изслѣдованіями и вычисленіями Кропоткинъ фатальнымъ образомъ является совѣтникомъ европейскихъ націй — государствъ. Онъ даетъ имъ соціалистическіе совѣты по вопросу о томъ, на какомъ пути онѣ могли бы достигнуть наибольшаго благосостоянія и успѣха. (Fields, Factories and Workshops)

Чѣмъ больше анархизмъ развиваетъ свою науку т. е. чѣмъ больше углубляется въ тайны «солидарности», этого священнаго начала и абсолютнаго блага въ природѣ и человѣчествѣ, тѣмъ больше и легче цивилизованное общество, эта тюрьма для рабовъ всѣхъ вѣковъ выступаетъ передъ нимъ какъ проявленіе сотрудничества. Съ этимъ обществомъ, съ его судьбою онъ соединяетъ всѣ свои мысли, въ заботы этого общества онъ вкладываетъ всю свою анархистскую душу.

Онъ болѣетъ его болями, болѣетъ о томъ, что оно, —эта организація господства, — «зашла» «по ложному пути» «въ тупикъ», боболѣетъ за всѣхъ членовъ общества, даже за ошибки тѣхъ. кто копитъ деньги. (Кроп. выше стр. 19)

Анархистскій теоретикъ, даже въ ту минуту, когда строитъ свои разрушительные планы, не въ состояніи разорвать своего единенія съ современнымъ обществомъ, не въ состояніи ни на минуту стать внѣ рядовъ строителей и опекуновъ его.

«И *если буржуазное общество гибнетъ*, если мы находимся въ настоящую минуту въ тупикѣ, изъ котораго мы не можемъ выйти иначе, какъ разрушая топоромъ и огнемъ учрежденія прошлаго, то это происходитъ именно отъ того, что **мы** *слишкомъ много считали*; отъ того, что **мы** *пріучили себя давать только съ цѣлью получить*, отъ того, что **мы** *захотѣли сдѣлать изъ общества коммерческую компанію*, основанную на приходѣ и расходѣ.»*)
(Кроп. Хлѣбъ и Воля, стр. 225, курсивъ нашъ.)

---

*) Въ послѣднихъ строкахъ языкъ главы современнаго анархизма становится почти однозвучнымъ съ проповѣдью русскихъ легальныхъ народниковъ. «Мы не только не воспрепятствовали развитію капиталистическихъ формъ производства не смотря на то, что они основаны на экспропріаціи крестьянства, но напротивъ всѣми силами постарались содѣйствовать коренной ломкѣ всей нашей хозяйственной жизни,

«Топоромъ и огнемъ анархистъ принужденъ дѣйствовать для того, чтобъ возвратить цивилизованному обществу его обычное здоровье. Клевета, будто общество въ основѣ своей — «коммерческая компанія» и общество паразитовъ. Самъ страшный анархистъ клянется, что каторга рабочихъ, въ этомъ цивилизованномъ обществѣ — лишь временный моментъ, результатъ лишь временнаго вырожденія, лишь случайнаго заблужденія правящихъ классовъ.

Глава современнаго анархизма на каждой своей страницѣ претендуетъ на званіе прямого совѣтчика современнаго общества. Онъ старается быть въ этомъ отношеніи гораздо радикальнѣе соц.-дем.-ін, но онъ становится этимъ лишь болѣе комичнымъ.

...«Во всякомъ случаѣ, не будемъ же терять изъ виду цѣли всякаго производства — удовлетвореніе потребностей. (††) Если самыя существенныя потребности человѣка остаются неудовлетворенными... то посмотримъ... не происходитъ ли это, между прочимъ, оттого, что *производство совершенно потеряло изъ виду потребности, приняло ложное направленіе*? (†) И если мы увидимъ, что именно въ этомъ лежитъ причина нашихъ недостачъ, то поищемъ же средства преобразовать производство такъ, чтобы оно на самомъ дѣлѣ удовлетворяло потребностямъ.» (Хл. и Вол. ст. 233).

Это мѣсто какъ будто цѣликомъ выхвачено изъ сочиненія любого русскаго народника, призывавшаго общество устыдиться и не превращать своей счастливой до тѣхъ поръ родины въ капиталистическую коммерческую компанію.

Глава анархизма, какъ и русскіе народники, наивенъ до комизма, когда «неудовлетвореніе существенныхъ потребностей человѣка» онъ считаетъ простымъ промахомъ, вредной ошибкой со стороны существующаго общества, со стороны организаціи, имѣющей цѣлью это неудовлетвореніе, имѣющей цѣлью грабежъ рабочихъ массъ. Только наивность или лицемѣріе проповѣдника моралиста можетъ разсказывать сказки о томъ, какъ цѣлью всякаго производства является удовлетвореніе потребностей въ томъ цивилизованномъ обществѣ, въ которомъ на протяженіи вѣковъ производство имѣетъ цѣлью лишь паразитное потребленіе господствующихъ классовъ и лишь самый необходимый кормъ для рабовъ.

Въ самыхъ рѣзкихъ нападкахъ на современное официальное общество Кропоткинъ не перестаетъ себя чувствовать частицей этого общества, несущей отвѣтственность за всѣ его акты, за дѣйствія всѣхъ членовъ его, даже правителей и плутократовъ. «Мы», — восклицаетъ онъ — «превратили общество въ коммерческую компанію», мы «возлюбили власть, принужденіе и насиліе». Съ наивнымъ довѣріемъ онъ убѣждаетъ современныхъ руководителей производства и ихъ ученыхъ слугъ—экономистовъ—«не упускать изъ виду цѣли всякаго производства»,—благосостоянія всѣхъ членовъ общества. Каждая страница его сочиненій свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ, несмотря на свои якобы всеразрушительные планы, въ глубинѣ души не умѣлъ обособить себя, своихъ мечтаній отъ заботъ и задачъ правящихъ имущихъ классовъ. Его психологія, его душа, это душа проповѣдника, который несмотря на всѣ анаѳемы, бросаемыя обществу, любитъ это общество, — это душа моралиста, который караетъ пороки любимаго имъ общества. Эта психологія ни въ малѣйшей степени не похожа на психологію бунтующагося раба — пролетарія.

ломкѣ приведшей къ голоду 1891 г.» (Ник — онъ «Очерки пор. хоз.)

(†) Курсивъ нашъ. (††) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Между тѣмъ такая психика свойственна не только главѣ современнаго анархизма, Кропоткину, но и всѣмъ вообще теоретикамъ анархизма. Изъ этой ихъ психики т. е. изъ ихъ любовнаго отношенія къ современнымъ обществамъ, націямъ — государствамъ, какъ къ фазамъ развитія общечеловѣческаго сотрудничества, общежитія, какъ къ формѣ проявленія человѣческой солидарности, — вытекаетъ также и вся анархистская философія, тотъ утопизмъ, который пытались, но не сумѣли вскрыть марксисты.

Утопизмъ этотъ получаетъ свое завершеніе въ нижеслѣдующихъ парадоксальныхъ сентенціяхъ «научнаго анархизма» . О современномъ законѣ, о современной «политикѣ», основанной на представительномъ правленіи, анархистская доктрина, въ своихъ научныхъ потугахъ, выражается нерѣдко такимъ образомъ:

... «Чуждая разума, она не можетъ дать разумныхъ результатовъ. Политика, нелогичный методъ, не можетъ служить для установленія логичныхъ регулъ поведенія». (Paraf—Javal, «Libre Examen» стр. 7

«Законъ ... формула произвольная, антинаучная»... (стр. 8)

« ... Современная общественная организація противна всякой логикѣ, всякому здравому смыслу... (Ж. Гравъ, Умир. общ. ст. 1)

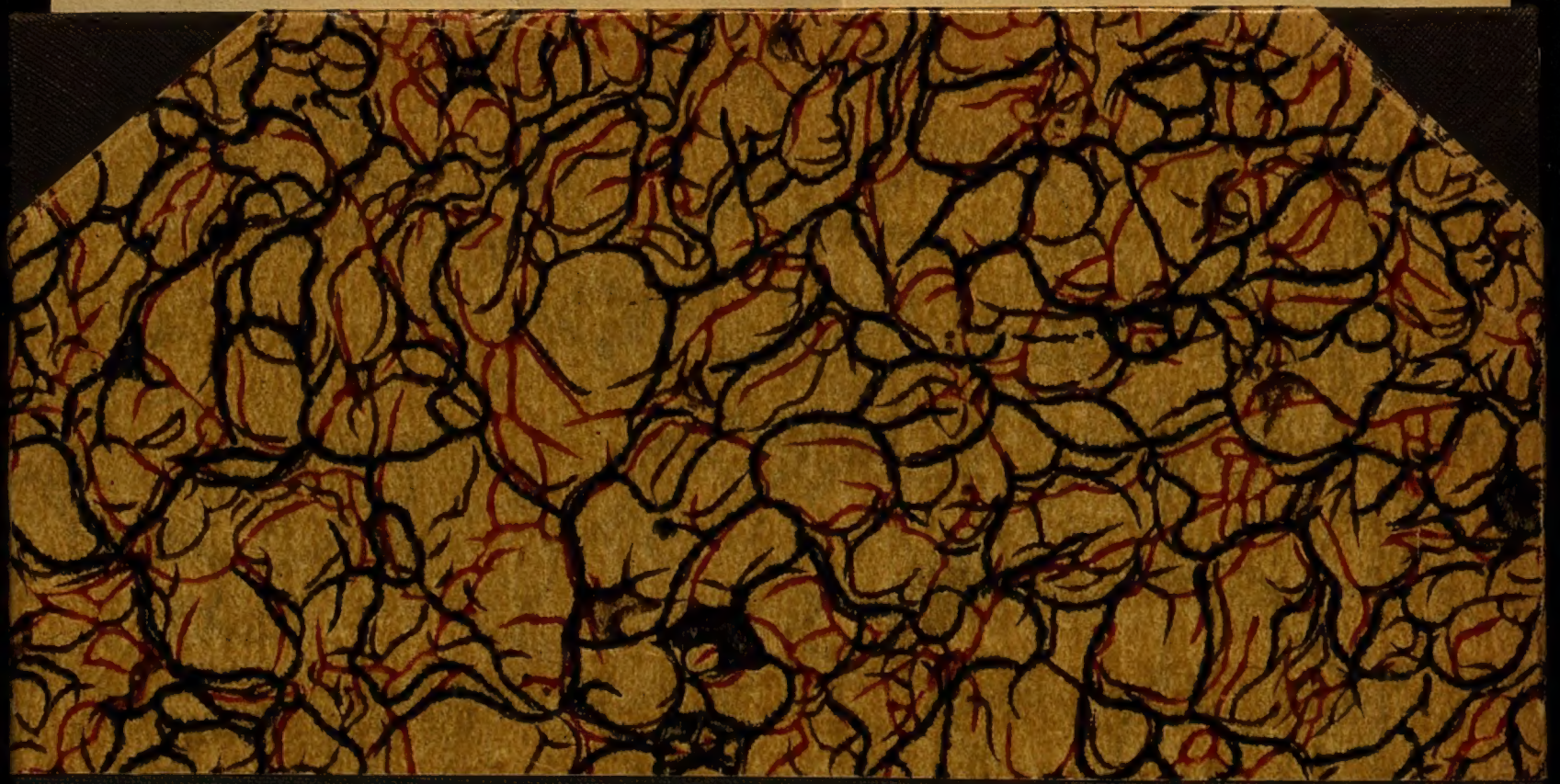
Прекраснодушная мораль объявляетъ всѣхъ грабителей и все ихъ историческое твореніе лишенными не только «благороднаго разума», но даже логики и всякаго здраваго смысла. Моралистъ, обѣщающій своими нравоученіями передѣлать природу человѣка, совершенно отрѣзываетъ всякій путь къ реальному пониманію неприкрашенной дѣйствительности, уничтожаетъ возможность посмотрѣть съ открытыми глазами на всю истекшую исторію, высказать правду о ея **неумолимой, страшной логикѣ**.

«Цивилизованное общество лишено всякой логики», «всякаго здраваго смысла»! Между тѣмъ съ неумолимой, непреклонной логикой оно строитъ въ настоящій моментъ повсюду ту же тюрьму для рабовъ, какъ и сто, тысячу, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, оно обрекаетъ, какъ и тогда, большинство человѣческихъ существъ, еще до рожденія, на пожизненную неволю, на рабскій ручной трудъ.

И сколько уже разъ тюрьма эта подъ ударами угнетаемыхъ. казалось, безслѣдно разбивается въ дребезги! *Съ желѣзной логикой* «народное творчество» вновь возстановляло ее, *съ безошибочнымъ здравымъ смысломъ*, среди побѣдныхъ ликованій надъ старыми господами новые грабители, въ братскихъ объятіяхъ съ народомъ, въ чаду пѣсенъ о завоеванной свободѣ, воздвигали ее еще болѣе прочной.

Современная общественная организація лишена здраваго смысла!

Съ дьявольскимъ смысломъ, на безчисленныхъ своихъ пунктахъ, во всѣхъ своихъ органахъ, она ежечасно, ежеминутно работаетъ на протяженіи вѣковъ все съ тою же цѣлью — вырвать изъ рукъ раба плоды его трудовъ.

А наука анархистовъ разсказываетъ свои красивыя басни о безпомощности, вѣчныхъ ошибкахъ и отсутствіи логики у господствующихъ!

На борьбу съ желѣзной логикой вѣковой неволи, съ безошибочнымъ здравымъ смысломъ грабителей, она приодѣваетъ рабовъ въ панцырь изъ фантазій и иллюзій, наивности, дѣтскаго довѣрія и мечтаній. Наука анархистовъ учитъ рабовъ не цѣпи свои рвать, а усыплять себя.